

Суздаль

**Волшебная
подушка**

Сказки

6+

Раиса Суздалева

Волшебная подушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40277353

SelfPub; 2019

Аннотация

"Это русский Андерсен", – так назвал автора член издательского совета Даниил Гранин, прочитав сказки в рукописях. Неистощимая фантазия автора уведёт вас от обыденности в удивительный мир, где и звери и птицы, и цветы очеловечены и одухотворены. Каждая сказка неповторима, как разноцветные бусины в ожерелье. Они непростые, со скрытым смыслом, похожие на притчи, но... успокойтесь, без скучных нравоучений. Книга была издана в издательстве "Логос" г. Санкт-Петербург. 2008г.

Содержание

Волшебная подушка	4
Истории старой груши	6
История первая	7
История вторая	10
Белая лилия (История третья)	15
История четвертая	17
История пятая	22
Старая азбука	25
Рыжая чайка Еугения	30
Аптекарь	41
Хан и фея	59
Сказка о двух сестрах	61
Дельфины	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Волшебная подушка

Завистливый колдун подкараулил и схватил доброго сказочника, слава о котором по всей земле шла. И заточил в своей пещере. "Пока все сказки не расскажешь, не выпущу. С этого дня я сказочником буду", – ехидно захихикал он, потирая руки, – "Теперь – то уж я прославлюсь".

Много дней слушал чернобородый мудреца, а потом запер его понадежней и отправился за славой. В первой же деревне забросали его гнилыми яблоками, а во второй даже поколотили. Потому что в его злой голове все сказки перепутались. Змей Горыныч побеждал Илью Муромца; Емеля ловил щуку для Бабы Яги; царевна-лягушка превращалась в серого волка, а старый царь от молодильных яблочек – в Соловья-разбойника.

За такие сказки так отблагодарили колдуна люди, что еле он домой добрался. И накинулся на пленника:

– Ах, ты, облезлая борода, обманул меня подлый? Признавайся, откуда берешь свои сказки? Иначе в ворону превращу.

– Ну что ж, – вздохнул старик, – видно придется свою тайну открыть. Все дело в моей волшебной подушке. Сплю я на ней – и вижу свои сказки.

Обрадовался колдун:

– Так бы и давно. А ты, чтобы люди тебя прокляли, будешь

гнилым болотом.

До сих пор лежит глупый завистливый колдун на старой подушке, ждет сказок. Но ему только жабы да змеи снятся.

А из болота ручеек пробился. Бежит по земле, журчит. Подойдет к нему добрый человек, и услышит хорошую сказку.

Истории старой груши

Однажды пришлось погостить мне на даче моего давнего друга, недалеко от небольшого российского города у слияния двух рек, Дона и Тихой сосны. Дача была на опушке леса, за ним поднимались меловые горы, заросшие редким кустарником, и совсем недалеко виднелась, обрамленная ивами, Тихая Сосна. От дачи к реке вилась тропинка мимо стариц, по заливному лугу, прямо к уютной лужайке среди деревьев у воды. Старые мостки среди камышей, песчаное твердое дно и чистая вода – что можно придумать лучше для нормального отдыха? Вот и загостился я в этом чудесном месте, право, мне не приходилось еще отдыхать лучше. Во дворе дачи, прямо перед моим окном, росла огромная груша – полудичка. Зеленые плоды ее вязкие и твердые, но стоит им отлежаться, становятся на удивление мягкими и сладкими. Но в то время груша только отцвела, и едва виднелись ее маленькие плоды среди листвы. Груша эта была не совсем обычная: Стоило мне заснуть под ее кроной, как начинались удивительные сны, цветные и яркие, один интереснее другого. Жаль только, что многие забылись, но некоторые из этих волшебных снов я все же запомнил и расскажу их вам сейчас. Я так и назвал их: истории старой груши.

История первая

Каждую весну широко разливается наша река, так, что доходит вода почти до самого порога. Но с каждым днем все сильнее пригревает солнце, и вода отступает, оставляя маленькие озерки и просто лужи. Прогретая влажная земля быстро покрывается травой, в озерках прямо из воды поднимаются мощные сочные стебли "куриной слепоты". Атласные, желтые цветы ее сплошь покрывают луг, так, что он кажется золотым.

В одном из таких бочажков на нашем лугу по весне появился головастик. Сначала он внимательно огляделся: Все вокруг него жило и двигалось. Суетились какие-то рыбешки, личинки, жучки и еще бог весть кто. Он решил найти укромное местечко, чтобы спрятаться, а не то в такой суматохе немудрено угодить кому-то на обед. Он устроился под каким-то листом, и оттуда наблюдал за всем, что творилось вокруг. Прежде всего он убедился, что население озерка мелковато, чтобы навредить ему. Рыбешки были не больше него, а жучки, личинки и прочая мелочь ему были не страшны. Тогда, осмелев, отправился он осматривать свои, как он решил, владения.

Прежде всего, он столкнулся с личинкой ручейника, похожей на кусок ветки с лапками. Головастик, не задумываясь, так и обратился к ней: "Эй, ты, плавучий чемодан с лапка-

ми, уйди с дороги, уродина, ты бы лучше лежал на дне, да не позорился!" Личинка, пока развернулась к головастiku, его и след простыл: он уже нежился у самой поверхности воды.

Вдруг огромная тень метнулась над озерком, вода заколыхалась, и прямо перед собой головастик увидел две длинные ноги. Он посмотрел вверх и обмер: это был журавль! Тут уже не до шуток, и головастик нырнул на самое дно, забившись в ил. Все замерло под водой. Птица недолго постояла, схватила нерасторопную рыбешку и улетела. Тут только увидел головастик рядом с собой жука – бокоплав, он что-то прилаживал под листом калужницы.

– Как это тебя не склевал журавль, удивительно! Ты такой толстый и неуклюжий. Вот было бы весело. Ты бы вместо лап завел себе вот такой длинный хвостик, как у меня, и тогда был бы таким же ловким и проворным, как я.

– Но я же жук, а у каждого жука должны быть лапы и крылья, – пытался объяснить ему бокоплав.

Но головастик уже не слушал его, и посмеиваясь, он отправился вновь погреться на солнышке.

Прошло несколько дней, и, однажды, увидел головастик, что откуда-то появились у него две лапы, очень похожие на лапки бокоплава ил лапы ручейника, над которыми он так смеялся. Он, было, совсем приуныл и спрятался в тину, но тут увидел стайку рыбок и оживился:

– Ха-ха-ха, поглядите-ка на этих уродцев, они, видимо, где-то потеряли свои лапы, и у них остались только их глупые

хвосты!

Рыбешки кинулись врассыпную, а головастик все возмущался, хотя его уже никто не слушал: " У нормальных рыб должны быть две лапы и хвост" – заключил он, наконец, и отправился спать в тину.

А наутро судьба вновь приготовила ему сюрприз: У него отвалился хвост, которым он так гордился, и появилась вторая пара лап. Глаза его выпучились, кожа стала бугристой и зеленой, так что, когда его увидели обитатели озера, они совсем не узнали в нем бывшего головастика. Опасаясь, что все будут смеяться над ним, жабёнок вынырнул из воды и уселся на какой-то плавучий лист. Но когда он увидел свое отражение в воде, ужаснулся: " Такой уродливый, нарочно не придумаешь", – подумал он и поплыл к берегу. Выйдя на сушу, он долго прыгал, подальше от воды, пока не добрался до прошлогодней листвы под деревом. Он зарылся в ней и затаился до темноты, боясь, что все будут смеяться над ним, как он когда-то смеялся над другими. Лишь в сумерки решил он выбраться из укрытия, чтобы немного подкрепиться.

С тех пор так и повелось: Выводится жаба в воде, а, став взрослой, она прячется где-нибудь под листвой, и лишь ночью выходит на охоту, когда никто не сможет увидеть ее кривые лапы, пучеглазые глаза и бородавчатую спину. А может, и заслужил заносчивый, ехидный головастик того, что с ним случилось, как вы думаете?

История вторая

Дни становились все длиннее, а ночи такими коротенькими, что не успеешь сомкнуть глаз, как заалееет полоска неба, а там вскоре и первые лучи солнца возвестят о наступлении утра. И весь день купается в золотых лучах старая дача, лужайка перед ней, огромные ивы у реки. К этому времени озерки и лужицы пересохли на лугу, все затянулось высокой травой и покрылось самыми разнообразными цветами. Тут тебе и густоцветный подмаренник, нежные колокольчики, глазастые ромашки и розовые гвоздики – словно капли упали на этот июньский луг. А над всем этим великолепием – целые стаи бабочек. Вот простенькая белянка, вот роскошная бражница, а вот целое облачко нежно – голубых, как цветущий лен, голубянок. Ах, как хорошо и привольно им всем в эту пору в теплых солнечных лучах, под безоблачным небом! Цветов столько – не счесть, и в каждом капелька сладкого нектара, пей – не ленись. И порхают – кружатся в бесконечном танце, красуясь друг перед другом, беззаботные создания, похожие на летающие цветы.

Но даже среди них есть, оказывается, серенькие и неприметные несчастливицы. Никто не восторгается ими, не любит их грациозным полетом. И посмеиваются над ними удачливые подружки, щеголяя своими радужными нарядами. Куда уж им маленьким да неприметным в своих серень-

ких платьицах. И пока их подружки беззаботно резвились на лугу, одна из этих бабочек раздумывала над превратностями жизни и над тем, что ждет ее дальше. А называлась эта бабочка – молью. И она успела многое разузнать о том, что ждет ее впереди. Она уже знала, что пройдет теплая пора, и наступит зима. Умрут цветы на лугу и все – все вокруг занесет снегом, реку скует лед и не будет сладкого нектара, и все, кто не позаботится заранее о себе, умрут от холода и голода. Все чаще моль задумывалась о неминуемых холодах.

Как-то она подлетела совсем близко к человеческому жилью. Она не знала, что это, и присела отдохнуть на растущий у забора лопух. Тут она познакомилась с домашней мухой, и та рассказала ей много интересного о доме и его жильцах – людях, и о зиме: "В эту пору нужно обязательно укрыться в доме, там всегда тепло и много всяких вкусностей, и даже в самую трудную пору всегда можно найти что-нибудь съедобное в человеческом жилье" – рассказывала муха.

"Пожалуй, все это нужно хорошенько обдумать", – размышляла Моль, возвращаясь на луг.

А там был настоящий переполох. Оказалось, недавно приходили к реке дети, они купались, собирали цветы и ловили ужасными марлевыми колпаками самых красивых бабочек. И тут же подружки Моли не упустили случай "уколоть" ее: "Ну а тебе-то бояться нечего, кому ты нужна, такая дурнушка" И действительно, когда дети снова пришли на луг, ее никто не заметил.

"Ну и прекрасно" – размышляла Моль, спокойно расположившись на лепестке ромашки: "Лучше быть серенькой, да живой, чем попасть в этот ужасный сачок". И стала обдумывать, как переселиться в человеческое жилище.

А лето катилось неумолимо к осени. И вот уже легкий морозец покрывал по утрам изморозью траву. Не было больше сладкого нектара, и многие бабочки погибли. Некоторые спрятались в земле или сухих травах, надеясь на лучшее. Но Моль знала, что такое зима, и после первого же заморозка, пересидев его в опавшей листве, не поверив больше довольно ласковому дневному солнышку, отправилась в сторону дома. Залетев в форточку, она столкнулась с уже знакомой мухой. Усевшись на абажуре, они разговорились. Моль поведала о судьбе своих подружек на лугу и сказала, что решила обосноваться на зимовку в доме.

– Ну и правильно, оставайся, я обычно сижу здесь, особенно вечером, когда горит лампа; от нее тепло, как летом.

– Ну, нет, здесь что-то неуютно" – подумала моль. И, оглядев комнату, увидела огромный деревянный ящик.

– А это что? – спросила Моль бабочку.

– Это шкаф, – пояснила Муха, – в нем люди хранят свою одежду.

"Вот это то, что надо", – решила Моль, а Мухе объяснила, что она большая мерзлячка, и лучше ей устроиться среди теплых вещей в шкафу, уж там она наверняка не замерзнет. На этом они и расстались бы, если бы не увидела Моль,

висящую рядом со шкафом большую плоскую коробку род стеклом.

– А это люди называют коллекцией бабочек, – ответила Муха, – хочешь, давай полетим, посмотрим.

И они опустились на стекло. Когда Моль рассмотрела, что было там внизу, ей стало не по себе. Внутри, насаженные на острые булавки, сидели, расправив крылья, ее засушенные красавицы подружки. Моль вздохнула – и отправилась обживать шкаф.

"Ничего, я привыкну и научусь обходиться без нектара, невелика беда: лучше есть, что попало, хоть жесткую шерсть, чем красоваться на булавке под стеклом или мерзнуть на холодном лугу. Ну, пусть серенькая, пусть дурнушка, зато мне здесь сытно и тепло", – размышляла она, доедая старый носок. "Дурнушка, да не глупышка", – потихоньку распевала она, вспоминая своих подружек на лугу, когда за окнами все замело, и холодный ветер бился в обледеневшие окна.

Моли часто снилось, что она то огромная красивая бабочка, порхающая с цветка на цветок на летнем лугу, а то маленькая серенькая Моль, забившаяся в старый шкаф. Она вздыхала и просыпалась, так и не решив, что же лучше.

* * *

После того, как приснилась мне история о благоразумной Моли, несколько дней провел я безвылазно под крышей, в

одной из маленьких комнатушек моих временных владений. Зарядили дожди, да такие, что и носа не высунешь. И все это время ни разу ничего мне не приснилось. Я уже было, совсем приуныл и подумывал о возвращении в город. Но через неделю, хоть изредка, стало проглядывать солнце. И к середине июня установилась, наконец, великолепная летняя погода, и я отправился на рыбалку.

Солнце едва взошло над горизонтом, и засверкал, заискрился росистый луг. По нему вышел я к реке и расположился с удочкой у маленькой заводи. И поплавок замер на водной глади.

Я долго и терпеливо ждал клева, но напрасно, и, видимо, задремал. А когда открыл глаза, то рядом с неподвижным по-прежнему поплавком увидел крупный зеленый бутон, наполовину выглянувший из воды. Я так удивился, что даже спать расхотелось, и стал наблюдать, что будет дальше. И увидел, как медленно, лепесток за лепестком, бутон превратился в великолепную белую лилию. Я осторожно смотрел удочку, чтобы не потревожить белоснежную красавицу, и перешел на другое место.

Вскоре начался клев и к полудню я вернулся домой почти с двумя десятками окуньков и плотвичек. И в эту же ночь приснился мне великолепный, сказочный сон, который я записал и назвал:

Белая лилия (История третья)

Тихо июньским днем на лесной поляне. Жмурятся нежно на солнце цветы, лишь только шмель ворчливо прожужжит: "ж-ж-жарко", кузнечики лениво позвенивают, да ветер листвою перебирает. А ночью тут суета: Светлячки карнавальными фонариками повисают на кустах, освещая поляну, и цикады мелодичные напевы выводят. Столпились, без конца хихикая, легкомысленные Ромашки, плывут в хороводе веселые Колокольчики, позванивая в такт цикадам; и желтый Донник, пестрый Вязель и весь цветочный, яркий народ.

В сторонке вздыхает Василек, боясь поднять глаза на прекрасную Лилию. Она величаво восседает на троне в великолепном золотисто – оранжевом платье в темную крапинку. Много лет подряд на большом карнавале выбирают ее королевой красоты. Покачивает она изящной шейкой, томно прикрыв глаза, будто не замечая восхищенных взглядов и не слыша лестный шепот преданного Подмаренника и грустных вздохов Василька. Она мечтает о карнавале, ей нельзя волноваться и уставать, чтобы опять быть красивее всех. Лишь изредка обеспокоено поглядывает она на пестрый хоровод и улыбается: нет равных ей.

Но однажды, в самую последнюю ночь перед ожидаемым большим праздником, начался переполох: на поляне появилась удивительная гостья. Она была так стройна, с такими

безупречно белыми лепестками, что сразу поняла самодовольная королева, чем ей это грозит. Гневно вострепнулась она, но, хитро улыбаясь, приласкала пришлицу, пригласила в хоровод: "Не стесняйтесь, сударыня, хотя с вашей внешностью это естественно. Я понимаю, что с такими безобразно – огромными листьями и бесцветными лепестками стыдно появляться в приличном обществе, но почувствуйте себя, как дома". И она опять притворно улыбнулась. Захихикали Ромашки, затряслись от смеха Колокольчики, Подмаренник зацепил гостью цепкими колючками, а ехидная Крапива обожгла стебель. Только старый Камыш горестно покачал головой, он-то понял, в чем дело. Но не успел и слова сказать, как шикнула на него взъяренная королева: "Молчи, высохший бесцветочник, не то выгоню с позором!"

В ужасе бросилась осмеянная гостья в темноту. Забившись в овраг, она горько плакала. Прозрачные слезы струились по ее лепесткам. Их становилось все больше и больше, и к утру набралось целое озерко, а на его поверхности покачивались большой атласно – зеленый лист и нежная головка красавицы. Камыш подобрался к самой воде, и своими густыми листьями закрыл ее от поляны. Целыми днями шепчет Камыш слова утешения беглянке. А по ночам, когда на берегу в разгаре веселье, прячет она свою белую головку под воду, чтобы не слышать веселой музыки, ехидных шуток злой королевы и глупых ее поклонников.

История четвертая

Приближалась середина лета. Теперь каждое утро жители соседней деревни "Сосновка" переправлялись на лодках за реку, где были заливные луга. Пришла пора сенокоса. А ребяташки в это время за ягодой на лесные поляны отправляются. И мне захотелось земляничкой полакомиться. А может, если повезет, насобирать ягод на баночку – другую варенья, чтобы было чем друзей зимой угостить. И так размышлялся об этом, что решил на следующее утро непременно в лес пойти. Даже лукошко приготовил.

А вечером на ветку, под самым моим окном, уселась ворона и так раскаркалась, что я не выдержал и прогнал ее прочь. Но настроение почему-то испортилось. И оказалось не напрасно: с утра зарядил дождь, и на целых три дня. Лишь к выходным выглянуло солнце. И я смог пойти, наконец, за ягодами. А в один из дождливых дней старая груша рассказала мне новую историю. Я назвал ее "Земляничная поляна" и записал для вас.

* * *

Случилось это на лесной поляне в ту самую благодатную пору, когда прогретая солнцем земля покрылась разноцветным цветочным ковром, потеплела вода в реке и покраснели

первые ягоды земляники.

Две подружки из соседней деревни отправились на поляну с туюсками, за ягодой. Всю поляну обошли, да туюски почти пустые остались – по горсточке на доньшке.

"Рановато еще", – огорчились подружки, и присели отдохнуть. А вокруг такая красота да покой – все цветет, все теплу радуется. Бабочки, как диковинные цветы, над поляной парят, кузнечики стрекочут, жучки – козявочки суетятся, куда-то по своим делам спешат муравьи, пчелы с цветка на цветок перелетают, нектар собирают. Птицы в кронах заливаются на все голоса...

Лишь одна ворона Кара с утра не в духе была. В нее мальчишка в деревне из рогатки стрельнул. Задумала она людям отомстить, да не знала как...

Тут ей на глаза и попались две подружки. Они букеты собирали, да поляну расхваливали. Радовались, что много земляники уродилось. "Скоро – мечтали они – будем полные туюски здесь набирать".

Ворона поближе к ним спустилась, подслушивала, о чем они говорили. Наконец ее заметили подружки:

– Кыш отсюда, противная! Как нечисть какая-то подкралась. Испугала, уродина!

Кара отлетела подальше, на ветку уселась. Злоба так и распирала ее.

– За ягодой они собираются, дуры длинноволосые. Это мы еще посмотрим, что вы тут насобираете. Я вам устрою ягод-

ки – цветочки. Уродина... – Сами уродины!

В ее злой голове уже созрел план мести. И не успели подруги до деревни дойти, как Кара принялась за его осуществление.

Сразу она отправилась к самому большому дереву на опушке, там много птиц гнезда свои свили. Уселась на толстый сук в гуще листвы и принялась охать да причитать, судьбу свою горькую проклиная.

Любопытные пернатые стали вокруг нее собираться. Между собой переговариваются – не поймут в чем дело. А приблизиться боятся. А оно и понятно: ворона-то известная злодейка. Того и гляди – яйца в гнезде расклюет, или птенцов утащит. От такой – лучше подальше. Но уж больно Кара старалась, так стонала и жаловалась, что осмелели пичуги, стали ее спрашивать, что случилось. Та, всхлипывая и охая, поведала им, что узнала она в деревне великую тайну: Собрались, мол, люди извести все птичье племя за то, что они на полях зерна воруют, на огородах овощи портят да в садах вишни расклевывают. А для этого у них, людей-то, сильнейший яд припасен. Разбрасают они тайно его на поляне – и все птицы умрут в муках, на радость людям.

Заволновались, затрещали на все голоса птицы. Все в панике: что делать? Воробьи засомневались было. Они-то других людей знали:

– Не станут люди нас изводить! Всегда жили мы мирно, а зимой они нам даже кормушки под окнами делают.

– А нам люди домики в садах каждую весну вешают, чтобы мы их деревья от гусениц – вредителей охраняли, – подержали их скворцы.

– Глупые вы, доверчивые. Жаль мне вас! Пожалеете потом – да поздно будет! Меня они уже сегодня убить собирались. Да не удалось!

И ворона продемонстрировала всем несколько сломанных перышек на крыле. Пичуги притихли. А тут еще появился хромой воробей. Он только подлетел к собранию и сразу попался на глаза Каре.

– Вот не верите мне, – обрадовалась ворона – смотрите, что люди с нами делают! Какое вам еще доказательство нужно?

И хотя перепуганный воробей пискнул, что это его кошка поранила, никто в шуме – гаме его не услышал.

Долго еще судили – рядили птицы и решили все же уйти из этих мест подальше. Быстро весть эта разнеслась по всему лесу. Каждый толковал ее по-своему. И уже не зная, что и почему, все в панике, бросая насиженные места, собирались в стаи и отправлялись в дальние леса.

Вскоре затихло все вокруг. Смолкли птичьи песни, а через неделю уже было не узнать земляничную поляну. Полчища гусениц оплетали паутиной деревья и травы, уничтожая листья и плоды. Когда сюда пришли девушки за ягодами – ахнули, цветочной поляны не было. Обглоданные, полузасохшие травы, безлистые ветви деревьев на опушке.

Вот, что, порой, может сделать одна злая ворона.

* * *

Это случилось в один из теплых осенних дней, когда первые желтые листья упали на еще зеленеющие травы. В лесу после обильных дождей появились маслята. Половину дня проходил я по лесу и вернулся домой с огромной корзиной грибов. Расположившись у деревянного одноногого стола под грушей, я стал перебирать и чистить толстенькие грибочки с влажной коричневой шляпкой. Солнце ласково пригревало, ветер едва перебирал листья, и я не заметил, как задремал.

И приснилась мне интересная грибная история, которую я потом назвал "Желчный гриб" А, может быть, мне ее рассказала старая груша?

История пятая

Прошумел долгожданный дождик. Последние капли, прыгая с листка на листок, падали в траву. Душица многочисленные глаза открыла, зарозовели гвоздики, повеселели, приунывшие было, колокольчики, чудесным запахом окутан желтый подмаренник. Засуетились муравьи и жучки.

Первыми на умытой опушке появились хохотушки – говорушки. Высыпали кругами и сразу в пляс пустились, придерживая легкие шляпки. Подосиновик алую шапочку на затылок сдвинул, с ними приплясывает, только брызги разлетаются. Семейство красавцев белых под сосной темными шляпками покачивают. Столпились в стороне скромные зеленушки. Всем весело.

Но тут, на гнилом пне, зашевелилась хвоя. Появилась круглая коричневая шляпа, из-под нее высунулся длинный острый нос, открылись выпуклые глаза и щербатый рот. Быстро оглядев поляну, запоздалый новичок пододвинулся к семейству белых и зашептал старшему на ухо: "Не понимаю, как вы терпите этих безмозглых говорушек. Я бы на их месте в траве запрятался и молчал, а они еще пляшут. А этот подосиновик безвкусную шляпу нацепил. Красный колпачок – любит дурачок. Хи-хи-хи!"

Ничего не ответил боровик, только крякнул и подальше отодвинулся. Тогда новичок пристроился к подосиновнику и

зашипел: "Какие глупые эти тонконогие безделицы, им ли веселиться? А этот боровик...еще говорят, что красивый гриб, да он просто безобразно растолстел, а эти..." Но подосиновик отмахнулся от прилипчивого болтуна. Тогда тот к говорушкам пристроился и им нашептывать стал, что белые над ними смеются, а подосиновик бездельницами обозвал.

Расстроились тонконожки, приуныли, в траву забились. А довольный ехидник уже к зеленушкам отправился сообщить, кто их поганками обозвал. Те совсем в песок запрятались. Всех перессорил "гнилушкино отродье", но не успокоился, злобой так и пышет, даже порозовел. Грустно стало на поляне.

Вдруг боровик за шляпу схватился: "Братцы, да ведь это желчный гриб!" Обступили виновника грибы и видят: действительно желчный. Так вот кто им настроение испортил, всех перессорил! И решили они изгнать с опушки зловерного завистника. А чтобы он другим не принес зла, черной сеткой поместили его ножку. И с той поры обходят его и звери, и люди, а тот, кому он в корзину попадет, говорят, становится таким же злым и ехидным, как желчный гриб.

* * *

Когда я проснулся, вечерело. Прохладный ветерок теребил листья груши. Стало зябко и неудобно, подумалось о близких холодах и горячем чае. Я собрал грибы и внимательно-

но их пересмотрел, не попался ли ехидный "желчный гриб", а то, чего доброго, и впрямь стану таким же. Но все было в порядке: грибки все как на подбор. И жаркое получилось на славу. Жаль, что угостить им было некого. Все мои соседи разъехались. Осень... Пора и мне возвращаться в город, где ждут меня проблемы и хлопоты, работа и друзья.

Как знать, удастся ли мне еще побывать в этих прекрасных местах. Как знать. Но тебе спасибо, добрая старая груша. Возьму с собой на память твои терпкие, еще зеленые плоды и твои чудесные истории. И холодными зимними вечерами, перечитывая их, буду вспоминать пучеглазого маленького жабенка, летний, разноцветный луг и аромат жареных маслят.

Спасибо и прощай, доброе лето.

Старая азбука

В загородном доме, где мои предки прожили долгие годы, нашел я случайно на чердаке старую азбуку. Тисненая, ее обложка покоробилась и вся пропиталась пылью. Я попытался ее отряхнуть, но лишь расчихался и испачкался сам. Так что мне пришлось спуститься вниз и дочистить книгу на улице.

Кое-как справившись, с этим занес я находку в дом, уселся в кресло напротив окна, и стал листать пожелтевшие страницы. На каждой было по одной букве и несколько великолепных рисунков, удивительно сохранивших яркость красок. Будто художник только вчера закончил работу над ними. Я успел рассмотреть лишь несколько страниц и дошел до буквы "Ж".

Левая сторона листа была пуста, как впрочем, и во всей книге. Справа в центре красовалась буква, крупная, ярко-красная, с белой окантовкой. Сверху, среди облаков парил жаворонок, в центре, расправив крылья, майский жук летел к веточке березы. А внизу, среди бурых прошлогодних листьев были нарисованы толстенькие желудята с забавными рожицами. Три веселых карапузика отплясывали на кривых ножках, придерживая шляпки. Один опасливо выглядывал из-под листа, два других тащили куда-то малиновую сырожежку, и у всех у них были добродушные мордашки. Лишь один желудёнок не принимал участия во всеобщем веселье.

Он сидел поодаль в тени старого пня, и, скривив рот, с пренебрежением смотрел на остальных.

Рисунки были преотличные, я с удовольствием рассматривал их. Но меня мучительно клонило ко сну. Сомкнув веки, я собрался, было, придремнуть, но только что виденные картинки стали оживать, словно я видел все наяву. Один из желудят выбрался из-под листвы и, приподняв шляпку, хитро мне подмигнул! Те трое, что плясали на странице азбуки, продолжали смешно подпрыгивать и притоптывать своими кривыми ножками. Два желудёнка, которые тащили сыроежку, расположились на пенёчке и принялись уплетать ее с двух концов.

Кроме них, на поляне, под огромным дубом у озера, неведь откуда, появились и другие желудята и тупотили они по опавшей листве, всюду засовывая свои любопытные рожицы.

Все это я видел так явственно, словно смотрел цветное кино. И в нем время шло совсем по-другому, гораздо быстрее, чем в реальной жизни. И вот там наступила ночь, и мне казалось, я уснул вместе со смешным народцем. А когда пришло утро, пробудились и толстопузики, и принялись шалить. Они удивляли меня своими бесконечными выдумками и забавами. Казалось, они просыпались только для того, чтобы списком и гамом носиться друг за другом, играть в чехарду и салки, таскать за усы жуков и козявок. Но больше всего, пожалуй, нравилось желудятам, лихо раскачавшись на листе

стрелолоста, бултыхаться в озеро под восторженные оханья бабочек, стрекоз и улиток.

Между тем на поляне под дубом стало холодать. Веселье попритихло, и все чаще возникали ссоры то из-за уютного местечка в густом мху, то из-за ягод или грибов. А однажды, Пузатик и Лупоглазый так отколотили друг друга за кусочек рыжика, что их собратья едва отходили драчунов. Надо сказать, что, наблюдая за забавными человечками, я уже научился различать их и многим дал имена. Одним из первых я назвал Желудином самого шустрого и задиристого из них. Того самого, что свысока смотрел на своих собратьев на странице азбуки. Он и теперь всегда держался в стороне от остальных и принимал участие лишь в ссорах да драках, с невероятной жестокостью расправляясь с собратьями.

Чаще всего Желудин издевался над Чудиком, которого считал дурачком. Особенно он злобствовал, если заставал беднягу, когда тот любовался цветком или бабочкой. Его наивность и доброта доводили Желудина до бешенства. Только Грамотей и Белобрысик спасали незадачливого Чудика от расправы.

Лес затихал. Опустели камыши, последние стаи птиц поднялись в небо. Холодные капли шлепали по опавшим листьям. По утрам лужицы затягивало ледком. Вся полянка стала пустынной и неуютной.

Не до забав желудятam. Они уныло бродили по слякоти в поисках хоть чего-то съедобного. Благоденствовал лишь Же-

лудин, который умудрился отыскать старое дупло какого-то зверька с запасами сушеных грибов и ягод. Вход внутрь был защищен старой корягой. В него не затекала вода, не задувал ветер, там было сухо и тепло.

Я видел, как неудачливые желудята, почтительно скинув шляпки, топтались у входа. Ох, и торжествовал же везунчик. Его верные приближенные Лупоглазый и Пузатик, вооруженные колючками, сторожили владения Желудина, который провозгласил себя царем, а желудят своими подданными. Впуская по одному продрогших и голодных, он каких отправлял в подчинение к генералу Пузатику, каких к министру внутренних дел – Лупоглазому, для поддержания порядка в царских покоях.

Скрипя зубами, пришлось новоиспечённому государю вручить ключи от кладовой Грамотею. Шло время. Сугробы почти закрыли дупло, из него едва доносились приглушенные голоса. Ясно слышались лишь повелительные речи "мудрейшего Желудина". Однажды я услышал:

– Мы должны избавиться от старых и слабых. Только самым сильным выпадет честь завоевать для меня новые земли. Я мудрейший и справедливейший Желудин должен повелевать всем миром.

В дупле раздалась возня, и из него полетели в снег связанные желудята. На время все стихло. Но не надолго. Вновь визгливый голос повелителя нарушил тишину:

– Ах, ты, паршивый лодырь! Как почистил ты мои царские

башмаки! В темницу его! Пусть умирает голодной смертью, чтобы все видели, как я наказываю нерадивых. Это тебе не цветочками любоваться! Все должны работать день и ночь. Я не собираюсь кормить тунеядцев.

Утром новые крики донеслись их дупла. Лупоглазый захватил кладовщика Грамотея, который разговаривал с арестованным. И тут же возмущенная толпа вышвырнула обоих к уже замеченным снегом вчерашним жертвам. Лающие крики Желудина и восторженный, торжествующий рев толпы заставил меня содрогнуться. Захотелось крикнуть:

– Люди остановитесь!

Но тут я вспомнил, что это, к счастью, лишь видение. И подумал: "Оля-ля! Дальше уже не интересно. Это не сказка. Такое мы уже не раз видели в нашем мире. И не дай бог – это повториться!"

Я сделал над собой усилие и открыл глаза. За окном по-прежнему была весна. Уже отряхнули последний снег деревья. На проталинах появились первые ростки. Пробуждалась от зимнего сна природа. А в книге, что все еще лежала у меня на коленях, желудята весело улыбались мне. И так хотелось верить, что в нашем мире все будет еще хорошо. Совсем не так, как привиделось мне.

Рыжая чайка Еугения

Санкт-Петербург. Вокзал. Обычная суета и толчея. Заканчивалось лето. Горожане возвращались с дач и далекого юга с корзинами яблок и винограда. Я же с утра был не в духе. Дела задержали меня в городе на все лето и теперь, мне казалось, было поздно отправляться к морю. Я не сомневался, что отпуск будет неудачным и скучным. Представились пустые неуютные пляжи и длинные вечера. Небо хмурилось, и когда я вышел к поезду, стал накрапывать совсем по-осеннему дождь.

"Поистине, как говорят мои друзья, у меня талант все делать не вовремя", – ворчал я про себя, устраиваясь в полупустом вагоне. В купе я оказался один и мирно проспал до самого утра.

Поезд прибыл в Симферополь. Выйдя из вагона, я подумал, что может быть все не так плохо. Солнце припекло совсем по-летнему, так что мне пришлось основательно оглядеться и уложить в чемодан и пиджак и плащ. И уже немного повеселев, я оправился дальше. Автобус мчался мимо деревень с каменными домами под черепичными крышами, мимо садов, отягченных созревающими яблоками и совершенно зеленых лесов. Все чаще появлялись высокие холмы с каменистыми осыпями и виноградниками, вдали виднелись горы с каменными хребтами, напоминающими огром-

ных древних рептилий. Еще один поворот, и мы въехали в южный городок и вскоре остановились на небольшом "пятачке", где мне нужно было выходить. Автобус отправился дальше, а я стал разыскивать нужную мне улицу. Здесь с недавних пор поселился мой старинный друг и родственник Андрей.

Дом его оказался крайним на узкой улочке у подножия холма. Его окружал запущенный сад. Виноград одичал и, оплетая крышу сарая и сливовые деревья, свисал до самой земли. В этом зеленом великолепии виднелся небольшой флигелек с двумя окнами, совсем рядом были стены старинной крепости и вершина холма с древними постройками, оставшимися от некогда могущественного города.

Вечер пролетел быстро с застольем и воспоминаниями и, засыпая под стрекот цикад, я уже не жалел о позднем отпуске. Почти все последующие дни я был предоставлен самому себе. Андрей ушел в рейс, он был штурманом на круизном судне, а его жена – моя сводная сестра – Алина, работала в военном санатории на другом конце города и возвращалась поздно. Так что я проводил время на пляже или бесцельно бродил по живописнейшим окрестностям города. К морю приходилось спускаться по узкой старой каменной лестнице с высокими, трещиноватыми ступенями. На площадке, у самого пляжа, был маленький базарчик, где продавалась вяленая рыба, виноград, арбузы, разные пирожки и соленые каперсы. Там же небольшой паренек в выленялой футболке и

шлепанцах продавал сувениры: засушенных крабов, маленьких переливчатых зверюшек из керамики и свистульки из белой глины. Они были удивительно забавные и звонкие. И туристы, направляясь в крепость, толпились возле паренька, высвистывая на все лады. Возвращаясь под вечер мимо торговой площадки, я замечал, что белых свистулек у паренька почти не было, но неизменно оставалась одна большая яркая свистулька, похожая на рыжую чайку.

Надо сказать, паренек и его веселые сувениры сразу же заинтересовали меня, но я все не решался заговорить с незнакомым, вечно занятым покупателями, мальчишкой. Но, как-то проходя мимо, я увидел его одного, он насвистывал на большой рыжей свистулке, и звук ее был низким и печальным. Я не удержался и заговорил с ним. И не пожалел.

К моему удивлению паренек был очень начитанный и поразил даже меня, связанного по работе с литературой. В свои двенадцать лет он читал Набокова и Хэмингуэйя, бывал за границей и сам лепил свои удивительные сувениры их белой глины, которую нашел в одном из урочищ Нового Света. Сам обжигал и расписывал их, надо сказать, удивительно мастерски. Я думал, что он вынужден подрабатывать и помогать родителям. Но позднее я узнал, что у его отца был в городе крупный ресторан и кафе. А он копил на книги, чтобы не выслушивать от отца лишние вопросы и упреки в сумасбродстве.

Мы проговорили с ним до темна. И с этого дня я частенько

просиживал с Иваном, так звали моего нового знакомого, не один час в тени огромного абрикоса на лестнице.

Как-то я заметил, что рыжая свистулька опять осталась одна, и спросил, почему так, у паренька.

Он улыбнулся – это моя любимая работа, и я говорю, что она не продается. Мне жаль расстаться с ней. У нее получился удивительный голос, напоминающий звуки флейты.

Заметив мое сомнение, он пояснил:

– Я учусь в музыкальной школе и немного уже играю на флейте пикколо и кларнете. Вот послушайте....

Он взял рыжую свистульку и сыграл, казалось, очень незатейливую, но поразительно проникновенную мелодию. У меня даже защемило сердце.

– Что за очаровательная музыка? – спросил я его.

– Это старинная чешская песня "Аннушка", – ответил он.

Помолчав, добавил:

– А эту свистульку я зову – "чайка Еугения".

– Еугения? – переспросил я, – какое странное имя, почему?

– Так зовут у нас рыбаки рыжую чайку. Разве не слышали вы легенду о девушке гречанке, спасшей когда-то город Сугдею?

– Нет, не приходилось, я по крепости ходил сам, без экскурсии, что-то не было настроения слушать длинный рассказ.

– Да, эту легенду редко рассказывают сейчас, да и никто

не верит, что рыжая чайка есть на самом деле.

– А разве бывают такие чайки, я никогда не слышал, – тоже недоверчиво спросил я.

– Есть, и если хотите, я могу Вам ее показать?

– Пожалуй – согласился я, и мы отправились к морю.

По берегу мы долго шли в сторону крепости, и вот под самыми ее стенами, недалеко от берега стал виден небольшой скалистый островок. На одном из камней около него сидела крупная рыжая птица, действительно похожая на чайку. Мы долго сидели на берегу, наблюдая за ней. И вот какую легенду рассказал мне светловолосый паренек у старой крепости, в маленьком южном городке.

Давным-давно был на этих склонах большой могущественный город Сугдея. Правил им мудрый греческий консул, и процветали в городе ремесла и торговля. Зеленели по окрестным склонам виноградники и сады, и приплывали к пристани из далеких стран торговые суда с трюмами, полными товаров. Богател и хорошел город, и слава о его богатстве шла по земле. И завистливые, алчные взгляды все больше устремлялись в сторону Сугдеи. И многие мечтали покорить этот город, да никто не мог сломить мужество защитников и захватить его богатства. Мощные стены окружали крепость с трех сторон, а с моря отвесные скалы преграждали путь врагам. И ни с чем откатывались полчища захватчиков от стен Сугдеи.

В те времена на другом берегу моря за проливом было мо-

гущественное государство Турмира, "черного владыки", как называли его соседи. Смерть и разорения сеял он вокруг себя, грабил и разорял в жестких набегах соседние земли. И не было от него никому покоя, и не было сил, чтобы справиться с ним. Видно не зря шла вокруг молва, что не только в честном бою покорял он чужие земли, называли его "исчадием ада" и могущественным колдуном. Говорили, что превращал он непокорных в породистых лошадей, на которых воины его захватывали и разоряли все новые и новые страны.

И вот как-то ранним утром увидели жители Сугдеи у крепостных стен многочисленные полчища черных воинов Турмира. Словно из-под земли возникли они вокруг города и окружили его плотным кольцом с трех сторон.

Да, надо сказать, что у Прианона была единственная дочь – красавица Еугения, отрада и любимица отца. Где-то год назад от Турмира были посланцы в Сугдею, важные послы с богатыми дарами для Еугении и предложением к Прианону отдать замуж дочь за Турмира. Но правитель отверг с гневом сватовство "черного владыки" и не принял его даров. Он знал, что любила Еугения его советника и военачальника Рема, которого воспитывал он, как своего сына, после смерти родителей во время шторма на торговом судне. Рема, тогда еще совсем маленького выбросило море у пристани, и его первым увидел Прианон с высокой стены своего замка. Посланные воины принесли малыша к Прианону, и с тех пор он считал его своим приемным сыном.

В тот день, когда подступили полчища врага к стенам города, назначена была свадьба юных влюбленных. Но видно не веселый пир ждал встревоженный город, а кровавая битва. И не в честном бою собирался сразиться с защитниками города Турмир. Еще накануне под видом званых гостей с дарами для молодых и горожанам проникли в крепость слуги "черного владыки". Да не добрыми оказались эти дары. Те из воинов, кто успел примерить посланные якобы соседним правителем праздничные накидки, умерли в страшных муках, лишь накинув на плечи. А вино и мясо были отравленными. И от них тоже погибли многие жители города. Так что в крепости остались в основном женщины и дети. А враг грозил сжечь город дотла. Паника и плачь царили в крепости.

В это время в город подошло подкрепление. С корабля, прибывшего из Греции вместе с гостями вернулось около сорока мужчин Сугдеи. Они поднялись в крепость по тайному подземному переходу, который вел от берега к замку консула. И, несмотря на явное превосходство врага, город готовился к бою.

Прибыли посланцы от Турмира. Он требовал в жены Еугению и богатую дань, обещал помиловать горожан.

В гневе отверг притязания Турмира консул. Но Еугения попросила отца задержать гонцов и послать к воротам за Ремом, который руководил подготовкой к защите города. Пока ждали Рема, Еугения о чем-то говорила с отцом наедине. Невесел вернулся в приемный зал консул, но спокойна

и строга была его дочь. Когда пришел в замок Рем, он был поражен переменой в лице девушки. Она показалась старше и бледнее, чем обычно, ее нежное лицо словно окаменело.

– Моя дочь Еугения решила принять предложение Турмира и стать его женой, – глухим старческим голосом сообщил собравшимся консул.

Рем схватился, было, за меч, но воины по знаку Прианона разоружили юношу.

– Ты Рем, вместе с гостями должен будешь покинуть крепость через подземный ход, вас ждет на рейде корабль из Греции.

В бессильной злобе сжимая кулаки Рем, пытался пробиться к Еугении, но воины оттеснили его и повели к выходу.

– Ты предала меня, я проклиная тебя, Еугения, – выкрикнул в дверях Рем.

Не дрогнула Еугения, лишь еще сильнее побледнело ее лицо.

– Ну, вот и все, – печально произнесла она, обращаясь к отцу. – Отправь гонцов с известием к Турмиру. Отец, нельзя терять время, я слышу уже шум битвы у ворот.

Еугения поднялась в девичью башню, оттуда из окна был хорошо виден весь город, крепостные ворота и лагерь врага. Она видела, как открылись железные двери, как встретил гонцов у своего шатра Турмир. Потом она поднялась на крепостную стену и увидела, как отплывал от берега, подняв паруса, греческий корабль, увозя ее счастье. На самом

краешке обрыва замерла Еугения. Один шаг – и закончатся ее мучения, один взмах рукой – и Рем, которого она видела еще на палубе корабля, вернется к ней. Но не поднялась рука, не подала долгожданный знак любимому, и не ступила она с обрыва. Как безжизненная тень вернулась она в тронный зал, где ждал ее отец и прибывшие за ней посланцы от Турмира с украшенными золототкаными покрывалами носилками. Собравшиеся у замка горожане видели, как плакал, ставший совсем седым консул, прощаясь с Еугенией, как мертвенно бледна и безжизненна была девушка. Но вот она скрылась в носилках, и почти бегом пустились вниз по главной улице носильщики, окруженные черными воинами Турмира. Заскрипели поднимаемые решетки ворот, и ликующие воины врагов вышли из крепости, увозя Еугению и богатую дань.

Долго еще не оседала пыль, поднятая отходящими войсками Турмира. С тех пор померкла слава Сугдеи. Вскоре после разлуки с дочерью умер Прианон. Обедневший город переходил из рук в руки, но никогда уже больше не было прежней славы и величия, торговля замерла, зачахли ремесла, со временем жители переселились в долины и занялись земледелием. Город опустел, постепенно разрушались крепостные стены, и оставленные дома зарастали травой...

Вот почти вся история о чайке Еугении, – закончил свой рассказ Иван. – Сейчас сохранились лишь консульский замок и девичья башня у самого обрыва. Вот она, – показал

мне парень. Я посмотрел вверх: мрачная зубчатая башня темнела над обрывом прямо над нами.

– Ну а при чем тут чайка, – удивился я.

– Ах, да, я еще не совсем закончил, – откликнулся Иван. – Так вот, говорят, что вскоре после отъезда Еугении дошли до Сугдеи с торговыми кораблями слухи о том, что не довез до своего черного замка Турмир молодую жену. Бросилась Еугения в море с корабля, на котором переправлялся "черный владыка" со своими приближенными через пролив. И в это же время заметили над крепостью странную рыжую чайку. С печальными криками кружила она над городом или, нахохлившись, сидела на самом краю пристани. Там и увидел ее Прианон. А на утро, гласит легенда, нашли его мертвым у окна в девичьей башне. А чайка так и живет с тех пор на этих камнях, это все, что осталось от древней пристани. Люди говорят, она все ждет своего возлюбленного из далекой Греции, и в крике ее будто слышно его имя – Рем.

– Как же он мог так легко поверить, что Еугения предала его, – удивился я.

– Как знать... Видимо сгоряча, да ревность. Может, он потом сам пожалел, что проклял ее, да было поздно – как-то совсем не по-детски рассудил Иван.

– А мне думалось, что рыжая чайка, глядя со старой пристани вдаль, размышляет, наверное, с горечью: "Как же ты мог, мой милый и добрый Рем, поверить в мою измену? Как ты мог?"

– Ее не любят рыбаки, – добавил мальчик. – Говорят, она пугает их, особенно ночью, с криком проносясь над палубой. И, будто это плохая примета для тех, кто уходит в море. Кто знает. Может и правда.

– Много таинственного у этой птицы. Я вот, например, никогда не видел, чтобы она ловила рыбу, как другие чайки, как она живет, никто не знает. Может, ночью охотится? Никогда у нее не было птенцов, да и говорят старики, что она живет здесь с незапамятных времен.

Тут чайка расправила крылья и медленно полетела в сторону крепости. Вскоре донесся до нас низкий скрипучий крик. Мне, признаться, стало не по себе. Тут еще поднялся ветер, надвигая дождь.

Расставшись с парнишкой, я поспешил домой. Там во флигельке я записал рассказ мальчика. А вскоре я уезжал из Судака. Ивана уже не было, мы с ним простились накануне, закончился сезон и он уехал с родителями в город. Последний раз побывал я на пляже, море уже было прохладным, осень приходила и сюда. А чайка Евгения по-прежнему сидела на каменном островке у крепости. Снизу с пляжа казалось, облака зацепились за зубцы стен, мрачно зияли глазницы консульского замка.

– Надолго запомнился мне этот поздний отпуск, – подумал я и отправился по старой лестнице вверх, где вскоре пустой автобус увез меня от моря, старой крепости в далекий город, суетный и холодный.

Аптекарь

На центральной площади одного южного городка с давних пор была аптека. Никто уже не помнил, кто построил ее. Люди так привыкли к ней, как будто она была здесь всегда. Каменные ступени к ней стерлись от башмаков, многочисленных посетителей и растрескались. Из трещин кое-где пробивалась трава. Над входом аптеки висел старинный бронзовый колокольчик, он звонко приветствовал всех, кто открывал потемневшую дубовую дверь.

Хозяин аптеки Ефим был вдовцом. Его жена померла рано, когда их сыну Фетису было всего три года.

По соседству с аптекой жила семья учителя гимназии, жена которого – добрая, заботливая женщина во всем помогала овдовевшему соседу. Фетис воспитывался с их дочкой Варенькой. Вместе играли, вместе делали уроки, часто ходили с аптекарем собирать лекарственные травы. Эти прогулки были большой радостью для детей.

Дальняя часть аптеки была жилой, она состояла из двух больших светлых комнат, но дети чаще всего играли в кладовой, где хранились лекарства. На полках стояли всевозможные колбы и пробирки, порошки и настойки в коробочках и бутылках, а под потолком сохли травы. Их запах пропитал старые стены дома. Огромное окно кладовой выходило на площадь. Под ним густо разрослась сирень и весной, когда

она зацветала, аромат ее был сильнее даже стойкого запаха лекарств.

А в соседней половине был прилавок, где обслуживались посетители. Множество склянок теснились на полках под стеклом, привлекая причудливыми формами и яркими этикетками. Об этом всегда заботился старый аптекарь. Он считал, что лекарства в красивой упаковке быстрее побеждают болезнь. А людям нравились необычные, разноцветные флаконы и баночки. И они охотно приходили в старую аптеку. Хозяин ее сам занимался приготовлением снадобий и сбором трав.

Лет с шести Фетис всегда ходил с отцом, как тот говорил в шутку "за травкой-муравкой". Часто с ними отправлялась и Варенька.

Но случилось так, что однажды поздней осенью, когда зацвел в горах безвременник, никто не мог пойти с аптекарем. И Ефим отправился за очень ценным, незаменимым растением один. Фиолетовые цветы с яркими оранжевыми пестиками появлялись на каменистых известковых склонах, когда лес почти сбрасывал листву. Встречались эти растения очень редко. За ними приходилось порой подниматься высоко в горы и собирать их на крутых склонах. И случилась беда – аптекарь сорвался со скалы и разбился. Его нашли уже мертвым. Так в неполных пятнадцать лет остался Фетис круглым сиротой и унаследовал аптеку.

Первое время ему было очень трудно. Он тосковал за от-

цом. Все валилось у него из рук. И если бы не нежная забота Вареньки и ее родителей, он, наверное, продал бы аптеку и уехал "куда глаза глядят". Но понемногу дела стали налаживаться. Ведь Ефим с малолетства учил сына всем премудростям своего ремесла. Больные по-прежнему приходили в аптеку, и Фетис понял, что ради доброй памяти отца он должен заменить его, так, чтобы, как и раньше весело звонил старый колокольчик у дверей.

Минуло почти два года. Снова была осень. Фетис стоял у окна, которое выходило на площадь, смотрел, как первые желтые листья сирени падают на булыжную мостовую, и думал о Вареньке. Полгода назад, отца девушки перевели в новую гимназию, и его семья вынуждена была перебраться на другой конец города, и юноша скучал по ним. И особенно за Варенькой, к которой привязался с самого детства. Теперь же он видел ее лишь изредка, когда она возвращалась из церкви и проходила мимо его окна в кладовой. Да иногда заходила в аптеку. Поэтому, когда люди возвращались с воскресной или праздничной обедни, он спешил к заветному окну в кладовой, чтобы хоть издалека увидеть девушку. Она не могла часто бывать у Фетиса как раньше, у нее было много хлопот по дому. Ее мать в последнее время частенько прихварывала. И Варенька, старшая из детей, опекала маленьких братиков.

В этот день Фетису особенно хотелось увидеть девушку. И когда она вышла из церкви и направилась в аптеку, он так

растерялся и обрадовался, словно не видел ее сто лет.

Фетис поспешил к прилавку, куда должна была подойти Варенька. В волнении, сам не зная зачем, он стал переставлять баночки и не заметил, как задел бутылку с настойкой мандрагоры, и жидкость пролилась в большую посудину с приготовленной для расфасовки мазью от радикулита. Надо сказать, что эта мазь пользовалась большим спросом. Ее готовил Фетис по старинному рецепту, который передавался из поколения в поколение. Но сейчас молодому аптекарию было не до мази.

Весело пропел колокольчик, и вошла Варенька. Оказалось, что у нее заболел отец, и ему понадобилось то самое прославленное средство от радикулита. Фетис выбрал баночку и заполнил ее из той самой посуды, куда случайно пролилась настойка мандрагоры.

Девушка взяла лекарство и немного постояла у прилавка. Разговор не ладился. Юноша слишком волновался. Варенька же беспокоилась за отца, который совсем не мог ходить, и вскоре поспешила домой. Сразу же вслед за девушкой в аптеке появился посыльный от самого губернатора. У государственного мужа случился "прострел" спины. Фетис и для него наполнил принесенную посыльным посуду с губернаторским вензелем. Больше посетителей в этот день не было. И хорошо. Молодой аптекарь был совершенно рассеян и взволнован. Все мысли его были заняты Варенькой. Он попытался взяться за приготовление лекарств, но дело не клеи-

лось, и измученный сердечными переживаниями, он задремал сидя за столом.

Разбудил его громкий стук в окно. Поздние посетители, случилось, беспокоили Фетиса, но этот стук почему-то испугал юношу, от тяжелого предчувствия сжалось сердце. И оказалось не напрасно. Когда Фетис открыл дверь, то увидел взволнованного Каплюса – своего друга по гимназии. Едва отдышавшись тот, сбиваясь и путаясь, рассказал о невероятном происшествии в губернаторском доме, где он служил секретарем.

– Неужели от моей мази вся спина бедного больного покрылась шерстью?

– Не знаю, но я сам видел, как он в ужасе метался по комнате в одних панталонах, а на спине и даже на руках была страшная черная шерсть. Его сиделка и жена бегали за ним, пытаясь успокоить, но губернатор был в бешенстве. Я слышал, как он приказал немедленно вызвать полицейских, чтобы арестовать тебя. Он кричал на весь дом, что ты покушался на его жизнь. Скорее уходи отсюда пока не поздно. Полицейские вот-вот будут здесь, и тогда тебе несдобровать, – заключил Каплюс.

Огорошенный услышанным, ничего не понимая толком, Фетис бросился собирать вещи. Натолкав в сумку, что попадало под руки, он принялся укладывать упаковки с лекарствами, и, прежде всего, злополучную мазь, которую он успел днем расфасовать в самые красивые баночки. И тут

Фетис заметил пустую опрокинутую колбу из-под настойки мандрагоры и все понял.

– Да ты бери в первую очередь еду да деньги в дорогу, деньги, деньги не забудь! – подсказывал ему Каплюс.

Но выполнить умный совет друга Фетис не успел – на площади появились полицейские. Пришлось друзьям обоим выбраться из аптеки через окно в комнате, которое выходило на другую сторону двора, оттуда Каплюс поспешил окольными путями вернуться в дом губернатора, а Фетис бросился наутек, как можно дальше от аптеки. Он бежал до тех пор, пока не выбрался за город и, совсем выбившись из сил, уснул где-то прямо на земле, примостив сумку под голову.

Проснулся беглец, когда солнце было высоко. Оглядевшись, Фетис убедился, что был недалеко от города. Он был хорошо виден с небольшого холма, на котором оказался юноша.

– Боже, – недоумевал аптекарь, – за что такая беда обрушилась на меня, что мне теперь делать, как жить дальше?

Он подумал о Вареньке и вспомнил, что ей тоже дал накануне злополучной мази.

– Что же будет с ее отцом? – ужаснулся юноша, – неужели такая же беда, как и у губернатора, настигнет и его? Единственное мое спасение найти краснобыльник! Когда-то с отцом они собирали по берегам реки, на меловых откосах эту редкую траву, и тогда старый аптекарь объяснил сыну, что это лучшее средство для удаления волос.

– Я должен скорее найти то место, где растет красnobыль-ник, – решил Фетис, – собрав траву, я приготовлю лекарство и передам его губернатору с кем-нибудь. А когда тот выле-чится, вернусь в город, и меня простят, – подумал он и по-спешил в путь.

До реки было далеко. Солнце уже клонилось к западу, ко-гда юноша вышел к обрывистому берегу. Но, отыскав место, где когда-то рос красnobыльник, понял, что было поздно, травы не было. Да и не удивительно, ведь была уже осень, а они собирали ее в июле. Убедившись в тщетности своих поисков, Фетис спустился к реке. Напившись, он присел от-дохнуть на песчаный берег. И тут обратил внимание на лод-ку. Она застряла в камышах недалеко от берега, в ней вид-нелось весло, а вокруг – никого. Место было глухое, надви-галась ночь, и юноша решил, что сама судьба послала ему эту лодку. Не раздумывая, он уложил на корму свою котомку и, взявшись за весло, оттолкнулся от берега. Доплыв до се-редины реки, Фетис перестал грести, река сама понесла его на встречу неизвестности. Когда стемнело, он, утомленный, уснул, доверив лодку волнам.

Утром лодку прибило к берегу в устье реки, совсем близ-ко виднелось море, мерцающее серебряными бликами. Оно раскинулось широкой полосой до самого горизонта. К бе-регу по пологим склонам невысокой горы спускались улицы небольшого городка. Одна – очень длинная, тянулась, изви-ваясь, вдоль берега реки до самого моря. По ней и отправил-

ся юноша, надеясь найти, где перекусить, его мучил голод.

– Хорошо еще, что я успел прихватить деньги из аптечной кассы, – подумал Фетис и направился в первую же встреченную им таверну.

Заняв столик у окна, беглец огляделся. Посетителей было не много, лишь в углу, сдвинув столики, разместилась подвыпившая компания, в тельняшках и одинаковых темно-синих беретах с пушистыми голубыми бомбончиками. Все в их поведении и одежде говорило о том, что гуляки бывалые матросы с одного корабля. Появился молоденький официант с полотенцем через плечо. Фетис заказал жаркое и кружку пива. Когда вернулся паренек с заказом, юноша не удержался и заговорил с ним. Тот охотно отвечал. Посетителей было немного, и ему видимо хотелось поболтать с новым человеком. Они быстро разговорились, юноша немного рассказал о себе, умолчав, правда, о происшествии с губернатором, он поведал, что решил отправиться в путешествии, но случилось так, что оказался без денег, и теперь не знает, как быть.

– Ну, тогда тебе здорово повезло, дружок, – похлопал по плечу беглеца официант. – Вот эти ребята там, в углу за столиками команда с "Лонгари" – лучшего парусника в нашем порту. А у них как раз нет юнги.

Фетис даже не успел ответить, как его новый приятель уже о чем-то говорил с матросами, а те дружно разглядывали его. Наконец один из них, видимо, боцман, встал и весьма неуверенной походкой направился к его столику. Переговоры бы-

ли недолгими. Сговорились о довольстве и жаловании. И уже к вечеру "Лонгари" отчалил от берега, взяв курс на юг.

Ох, и нелегко пришлось Фетису вначале. Все было непривычно – от жестокой койки до жгучей от перца и прочих специй пищи, не говоря уже о тяжелой работе и бесконечных тычках и ругани боцмана. Но Фетис терпеливо переносил все невзгоды, он решил выстоять во чтобы то ни стало ради того, чтобы через год вернуться, наконец, в милый сердцу город, в привычный уют аптеки, пропитанной запахом трав и лекарств.

Видя упорную старательность юнги, уважительнее стали относиться к нему матросы, и даже боцман помогал и все реже кричал и ругался.

Все бы ничего, если не скучал бы он за Варенькой, да не мучили его горькие мысли о вине перед губернатором и отцом девушки. Вот это было самое тяжелое испытание для него. Лишь слабая надежда на то, что в странствиях своих удастся ему где-нибудь добыть столь нужный для него краснобыльник, успокаивала его.

Прошло полгода, "Лонгари" курсировал между островами, перевозя всевозможные грузы: фрукты, древесину, уголь, а однажды даже кур и гусей в клетках. У юнги выгорели от жаркого солнца волосы, огрубели руки и загорело до черноты лицо.

Однажды жестокий шторм застал "Лонгари" в самом неподходящем месте – в заливе Последней надежды, став-

шего гибельным местом для многих кораблей.

Экипаж бился до конца, но рухнула под напором ветра мачта, заклинило штурвал, и истерзанный корабль выбросило на рифы.

Фетис очнулся на песчаном плесе тихой бухты. Немилосердно пекло солнце, пересохли губы, хотелось пить. С трудом поднялся он на ноги, саднило ободранное тело, кружилась от слабости голова. Шатаясь, побрел юнга по берегу в надежде найти пресную воду и что-нибудь съедобное. Вскоре увидел он выброшенные на берег несколько ящичков, кусок доски и обломок мачты. Море было тихо и пустынно. Вокруг ни души.

К счастью в одном из ящичков оказалась сушеная рыба, она правда немного подмокла, но голодному Фетису оказалась куда как кстати. Подкрепившись, он осмотрел два других ящичка. В одном были какие-то детали, а другой по прихоти судьбы, оказался его рундуком. В нём была смена белья, жалование за последний месяц и дорожная сумка, с которой он отправился когда-то в путь. В ней кое-что из одежды, аптекарская утварь, схваченная впопыхах, да множество баночек с лекарствами. Фетис сложил все вновь в рундук, подтащил к нему ящик с рыбой и отправился на поиски воды.

Долго он брел по горячему песку вдоль берега, напрасно вглядываясь вдаль – море было пустынно. Лишь чайки да олуши кружились над волнами. Фетис обратил внимание, что часто птицы пролетали вглубь острова, и заметил ме-

сто, где постоянно кружились над землей несколько птиц. Он решил проверить, что там. Это явно было не случайно. И действительно. На плоской вершине скалистой гряды в каменной ложбине накопилось озерко пресной воды, совсем небольшое, но это было спасение. Фетис напился вволю и тут же у воды заснул.

Разбудила его нахальная чайка, усевшаяся прямо ему на голову. Он открыл глаза и пошевелился. Испуганная птица, взлетела, издав хриплый, пронзительный крик, от которого Фетис окончательно проснулся. И первое, что увидел он – прямо перед ним в расщелине виднелись кустики краснобыльника. Он рассмотрел их как следует, сомнений не было – это была столь нужная ему трава. Оглядевшись, он заметил, что ее здесь было много. Фетис находился, пожалуй, на самом высоком месте острова. Отсюда он хорошо был виден, крохотный, с каменистой вершиной и песчаными бухточками. На берегу одной из них виднелся его рундук и несколько обломков "Лонгари", а вокруг, сколько хватало глаз – бесконечная синь моря.

Отчаяние охватило, было, моряка, но понемногу он успокоился и стал как-то обустраиваться. Соорудив среди камней нечто вроде лачуги, приспособив обрывок паруса с мачты вместо крыши. Под навесом расположил свой скарб и разложил в тени сушить краснобыльник. Питался он моллюсками, находя их на мелководье и съедобными водорослями, распознавать которые научили его матросы с "Лонгари".

– Что-то стало с ними, – часто думал Фетис, вглядываясь в пустынную рябь моря. Его, молодого и сильного больше всего угнетала бездеятельность – ему оставалось только ждать и ждать, вглядываясь в даль.

К счастью, когда осталось в запасе лишь две сушеные рыбины, на горизонте появился парус. Корабль прошел бы мимо, но на нем заметили Фетиса, который размахивал обломком мачты. На воду была спущена лодка с матросами. Они дружно взмахнули веслами и направились к острову. Когда они причалили, юнга уже был готов в путь, уложив в рундук свои вещи и самое главное – сушеный краснобыльник. И вот уже матросы окружили Фетиса, поздравляя его с удачным спасением. От них он узнал, что корабль направляется на остров Тараберн с грузом строительного леса, а оттуда им предстоит очень дальний переход к островам Молука. Капитан "Голубка" – так назывался спавший юнгу корабль, предложил ему стать матросом на его судне. Но у Фетиса теперь был краснобыльник, из которого он мог приготовить так необходимое ему лекарство, поэтому он попросил капитана высадить его на Тараберне, ведь он был гораздо ближе к его родине, чем далекие Молукские острова. Так и договорились. И корабль направился прежним курсом. Плавание оказалось удачным, и уже через десять дней вперед смотрящий возвестил долгожданное "земля" и "Голубок" бросил якорь в узкой длинной бухте. Матросы принялись за разгрузку бревен, Фетис старательно помогал им. Когда работу закончили

и на корабль занесли запасы воды и провизии, Фетис попрощался с командой, еще раз горячо поблагодарив за спасение, и пожелал им удачного пути.

И вот уже стал отдаляться от берега "Голубок" и, выйдя из бухты, расправив паруса, вскоре скрылся вдали.

Фетис огляделся. Город казался пустынным, лишь несколько докеров суетились возле пирса, да около таверны под полотняным навесом сидел, отмахиваясь от мух серым полотенцем, видимо, хозяин этого заведения. К нему и направился Фетис. Тот не очень-то приветливо, но все же объяснил ему, что город, как и остров, называется Тараберн. Других, даже небольших поселений на острове не было.

– Городок наш небольшой, но есть гостиница, лавка и вот моя прекрасная таверна, – показал хозяин на свое немудреное заведение.

Но самое главное, что узнал у него Фетис, это то, что "Голубок" был последним кораблем в этом году на Тараберне, потому что начинался сезон ураганов и целых полгода к острову не сможет подойти ни один корабль.

Эта новость так огорчила бедного юношу, что у него совсем пропал аппетит. Фетис стал думать, как же прожить ему так долго на острове. Тут то он пожалел, что не взял у боцмана с "Голубка" собранные матросами для него деньги. Ведь он рассчитывал очень быстро отправиться в путь, нанявшись на попутный корабль матросом. А теперь положение его было отчаянным. Денег хватало, по самым скромным подсче-

там лишь месяца на два.

Хозяин таверны подсказал ему, где находилась гостиница. Там юноша снял самую дешевую комнатку с облезлыми обоями и скрипучим топчаном. Одно утешение – большое окно с видом на причал.

Фетис безуспешно пытался найти работу. Жители города удивляли юношу. Любопытные и завистливые они неустанно шпионили друг за другом сквозь щели в высоких заборах. Казалось, единственной их заботой, было не отстать от других. Больше накопить и хотя бы в чем-нибудь обойти соседа. Кормило обитателей острова море. Они ловили рыбу и омаров, собирали мидий. Но самым доходным ремеслом была добыча встречающегося только у Тараберна редчайшей разновидности коралла – перламутрового. Причудливые сплетения его веточек переливались на солнце и играли всеми цветами радуги. Из него изготавливались очень дорогие украшения, которые ценились во всем мире. Именно за ними и прибывали многочисленные корабли в летнее время, доставляя в своих трюмах все необходимое для жизни на острове. Осенью же и зимой жизнь на острове замирала – начинался сезон дождей и ураганов, из-за которых войти в единственную удобную для стоянки бухту было невозможно. Бедолагу Фетиса угораздило прибыть на остров буквально через два дня после отплытия последнего корабля. Вскоре действительно поднялся сильный западный ветер, который буквально сбивал с ног. Фетис вынужден был проводить

время в своей холодной комнатухе, радуясь тому, что от предыдущего жильца осталось несколько книг, одна из которых была старым травником с полуистлевшими страницами. Бывший аптекарь купил в лавке большую тетрадь и ручку и старательно переписывал самые истрепанные страницы. Некоторые рецепты были ему знакомы, но большинство он видел впервые. Многие лекарства советовалось изготавливать из морских животных и водорослей. Это очень заинтересовало Фетиса, и ему пришла мысль попробовать зарабатывать, продавая лекарства. Он достал свой рундук и выставил на стол все баночки, захваченные им впопыхах из аптеки. К его великой радости среди лекарств он нашел несколько колб, горелку и даже ступку с пестиком. Теперь Фетис с увлечением занялся своей любимой работой. Сначала собирал нужных для лекарств морских обитателей, выбирая дни, когда немного утихал ветер, а потом уже готовил лечебные составы. Пустых баночек оказалось немного. Большинство из них было заполнено мазью от радикулита. Он открыл одну из них и натер содержимым руки, опасаясь, не загублено ли лекарство. Прошло несколько дней – все было благополучно. "Значит то, что произошло с губернатором это случайность", – решил аптекарь.

Когда вся пустая посуда была заполнена новыми снадобьями, Фетис отправился в таверну и уговорил хозяина разрешить ему продавать лекарство, отдав ему за это остатки денег, матросскую новую робу и две баночки от радикулита.

Узнав, что приезжий собирается торговать лекарством, его сосед по гостинице – учитель, как и он, случайно попавший на Тараберн, дал ему разумный совет:

– Прежде всего, не уставай повторять, что это самое дешёвое в мире лекарство и, что кое-кто, например лавочник, уже приобрел ценнейшую из настоек, которой осталось совсем немного. И не сомневайся, они расхватают у тебя даже пустые склянки, – грустно усмехнулся учитель.

Он прожил на острове целый год и успел, как следует узнать местных жителей. Но аптекарь лишь улыбнулся ему в ответ. Он был уверен, что его снадобья будут продаваться и без рекламы. Ведь он так старательно готовил их.

И действительно – дело пошло весьма успешно. Стоило кому-то купить мазь от веснушек, как немедленно спешили за ней его соседи. В первую очередь расхватили средство от радикулита – оно было в самых красивых баночках. Но вскоре слухи поползли по городу, что многие почтенные граждане вдруг стали почему-то зарастать шерстью, да так быстро, что через полмесяца в некоторых домах все обитатели покрылись густым мехом с ног до головы. У них исчезла речь, удлинились руки, ноги наоборот стали короткими и кривыми. В общем, они превратились в обыкновенных обезьян. И произошло это так быстро, что вскоре уже некому было даже предъявлять претензии аптекарю. Дома опустели, по городу бродила, разбойничая в садах, стадо гориллоподобных обезьян. Лишь двадцать пять человек во всём городе остались

в облике человеческом. И хотя они тоже пользовались средством от радикулита, на них оно почему-то не подействовало.

Тут только понял Фетис, что мазь его каким-то чудодейственным способом выбирала и наказывала только плохих людей. А самым первым поплатился хозяин таверны, намазавшись вволю дармовым лекарством.

Всё это случилось в конце сезона штормов. И вскоре к пирсу пришвартовался первый корабль. Все, кто остался в городе в облике человеческом, покинули на нём Тараберн, где злобные обезьяны не давали им покоя.

И Фетис наконец-то, спустя год, вернулся в родной город. За это время он так возмужал и изменился, что ему можно было смело появляться в городе. Он прошел по площади мимо аптеки, окна и двери были заколочены, покосилась вывеска, а ступени совсем заросли травой. Юноша направился к дому Вареньки. В разлуке он часто представлял встречу с любимой, но у дверей дома решительность оставила его. И если бы сама Варенька не вышла случайно на порог, как знать – когда бы еще увиделись они. Девушка сразу узнала своего друга и так была рада встрече, что не было сомнений – она любила и ждала его. От неё Фетис с радостью узнал, что отца девушки радикулит больше не мучает, и он продолжает работать в гимназии.

– А вот наш губернатор почему-то превратился в обезьяну, сначала покрывшись шерстью. Он долго сидел взаперти,

но как-то вырвался и сбежал куда-то, – рассказала Варенька Фетису.

Оказалось, молодого аптекаря никто и не подозревал в злодеянии, потому что очень многие горожане пользовались его мазью, и все они были здоровы. Люди поговаривали, что губернатора покарал бог за жестокость и коварство.

Фетис вернулся в свою аптеку. А вскоре была веселая свадьба – и старая аптека ожила. Весело играло солнце на мозаичном полу аптеки, толпились нарядные баночки на витрине, радостно встречал старый колокольчик входящих. Привезенный из странствий травник оказал добрую услугу Фетису. Слава о его редкостных лекарствах разнеслась по всей округе, и за ними приезжали из других городов.

В счастье и достатке зажили молодые. Но все же иногда, особенно ранней весной, когда над городом пролетали на север птичьи стаи, становился молчаливым молодой аптекарь. Все вспоминались ему былые путешествия, пенные гребни волн за кормой, песчаные плесы Тараберна, далекие приморские города. Забылись невзгоды и его приключения стали красивой сказкой.

А в их городе нет-нет, да и появлялись новые обезьяны, о которых, правда, никто не жалел.

Хан и фея

По всей земле прошелся с войсками могучий хан, покоряя народы, разрушая города и истребляя непокорных. Среди неприступных скал над морем воздвиг он замок покорителя мира. За каменные стены цеплялись облака, под хрустальными сводами красовались цветы и деревья со всей Земли. И тянулись отовсюду бесчисленные обозы награбленного добра и всевозможных диковин. Ими украшал хан свой заоблачный дворец. Казалось, что желать еще торжествующему владыке? Красивейшие женщины услаждают его песнями и плясками, седовласые мудрецы у ног покровителя рассказывают лучшие сказки. От них-то и услышал он легенду. О прекрасной фее родников.

Загорелись жадным огнем глаза хана. И помчались полчища рабов в поисках необыкновенной красавицы. Но тщетны их попытки. И сложили они головы по приказу разъяренного владыки. А хану не милы все прекрасные пленницы, манит его во сне лучезарная фея. И тогда приказал он оседлать лучшего скакуна своего, и один отправился на поиски.

Все реки и ручьи объехал. В каждый родничок и болотце заглянул. Но оттуда смотрели на него то солнце, то звезды, да хохотали вслед пучеглазые лягушки. Оброс он бородой, ввалились глаза и впали щеки, а и следов ее не обнаружил. Совсем выбился из сил. И загнал своего любимого скакуна.

В изнеможении упал на землю обессиленный повелитель у подножия высокой горы. И тут едва слышная песня долетела почти с самой вершины. Из последних сил стал карабкаться он вверх и увидел желанную фею. Потянул он руки, чтобы схватить ее, но она вмиг чистейшим родником обернулась. Склонился над ним хан и видит на дне его смеющееся лицо красавицы.

Шли годы. А некогда грозный повелитель мира все смотрел в манящие глаза феи. От тоски полысела его голова, а потом и весь он окаменел, все склоняясь к роднику, вокруг которого поднялась чудесная буковая роща. Там и сейчас по ночам слышны вздохи хана и задорный смех феи родников.

Со временем забылась старая история о могущественном хане, и теперь безлесую вершину между горой Демерджи и Чатырдагом называют "Лысым Иваном" или Пахлак-Кая.

Сказка о двух сестрах

На крутом склоне ущелья сохранился пещерный монастырь. В мрачных кельях по темным углам висят летучие мыши, обвалились, растрескались ступеньки, вившихся когда-то внутри него лестниц. На заросших травой, покрытых лишайником, плитах едва видны древние надписи. Под одной из них, никому неизвестная сейчас Чеслава. Имя ее было забыто и проклято еще с тех пор, когда ее, совсем юную, промозглой ноябрьской ночью тайно заточили в одной из келий. Словно захоронили заживо. А ведь когда-то трепетали перед ней грозные воины и могучие владыки. Славилась красотой она по всей земле. И блекли перед ней другие красавицы, и даже ее младшая очаровательная сестра. Столько было в глазах Чеславы страстного огня, что сгорали в нем души юных поклонников. Это пламя спалило ее счастье.

За каменными стенами и в отсветах коптилки, чередой представляли перед пленницей счастливые дни в отцовском замке, вспоминались безмятежные игры с сестрой в одичавшем саду, нежные теплые волны, льнувшие к их ногам. Однажды далеко в горы забрели они, собирая пионы. Не жаркое еще солнце ласкало лица, птицы распевали на все голоса. Ничего не предвещало беды. Но вдруг на щебнистом откосе натолкнулись они на искалеченное тело молодого воина. Золотой шлем откатился далеко, темные волосы тре-

пал ветерок, безжизненные зеленые глаза смотрели в небо. Сквозь пробитую кольчугу виднелись глубокие раны. В ужасе остановились сестры. Младшая, не выдержав потрясения, без чувств упала на землю. Чеслава, выбиваясь из сил, принесла ее перепуганному отцу. А пока все хлопотали вокруг нее, незаметно выбралась из замка и вернулась к мертвому воину, и долго смотрела на прекрасное застывшее лицо. Тлеющий до того огонь, забушевал в ее сердце. Обхватив под руки тело, дотасила его девушка до укромной пещеры и, замирая от страха, отправилась к ведунье, жилище которой обходили даже звери. Протянула она старухе перстень с большим алмазом, каких немного было на земле, но отвергла дар колдунья:

– Мне нужны глаза сестры твоей, иначе уйдешь ни с чем.

В ужасе отшатнулась Чеслава, но могучий огонь сжигал ее душу, и ночью свершила она страшное дело, за что получила взамен кувшин волшебной воды, от которой ожил воин и полюбил девушку.

Только одно лето и осень пробыли они вместе, когда опала листва и обнажился вход в пещеру, выследили их и схватили. В ту же ночь навсегда скрыл пещерный монастырь красавицу, а имя ее было проклято людьми. И угасла она в каменной келье, как пламя светильника, и никто не причитал у надгробия ее, никогда не приносили сюда цветы. Только однажды приходила слепая старуха. Кто знает, о чем грустила она: о далекой ли молодости или погибшей душе своей

сестры.

Дельфины

Море мерно накатывалось и отступало, шурша мелкой галькой, разноцветной и гладкой. Пенистые гребни волн лизали берег, оставляя воздушно-белые клочья, пышные сочные пучки водорослей. Это уже после, на солнце они съезжались, превращались в бесформенные темные комья. И камни тускнели на солнцепеке, пыльные и безликие. Им хотелось к ласковым волнам, чтобы вновь умытыми и яркими вместе с ними любоваться изумрудными берегами. Которые, казалось, вечно были такими спокойными и прекрасными. Но когда-то здесь содрогалась земля, дымилась, стекая, лава, кипело море. Тогда-то и сорвался с вершины громадный каменный обломок и скатился на вздыбленные у берега скалы, нависнув покатою крышей над полоской берега и моря. Так и остался он лежать там. Только с моря можно было добраться в эту потайную нишу. Сверху со временем все затянулось землей, заросло травой. И никто не знал о гроте, хотя по берегам этим уже поселились люди. К этому времени трещины и ущелья заросли, как старые раны. Небольшая долина в кольце гор стала плодородной. Коренастый карагач и земляничные красноствольные деревья умудрились прижиться на крохотных уступах крутых скал. Весной заросли шиповника в ложбинах розовели цветами, склоны пестрели тюльпанами и пионами, цепляясь усиками, оплетал камни дикий

виноград и хмель. Деревни расположились, где поровнее и поближе к морю. Оно кормило жителей, которые рыбачили, собирали мидий, крабов, съедобные водоросли. В тихой мелкой бухте добывали жемчуг, а в прибрежной гальке находили аметисты, халцедоны и нежнее лепестков шиповника сердолики.

Почти все, что давало море, уплывало отсюда в сундуках заезжих купцов. Местные жители не строили не только кораблей, но даже лодок. Старики говорили, что их предки разгневали чем-то подводного владыку, и он потопил их каравеллу. Те немногие, кто спасся, слышали, будто, глас моря, запретивший им и их потомкам во веки веков братья за весла. И люди боялись нарушить этот наказ, довольствуясь тем, что добывали в мелководной бухте. Жили они очень скупо, почти все продавали купцам, охотно приплывавшим сюда за товарами. Особенно ценился очень крупный ровный жемчуг, встречающийся только здесь, розовый сердолик, а так же поразительной чистоты аметисты, алмазы и красивейшая бирюза. За все это платили золотом, оно оседало в тайниках, а сами жители жили впроголодь, оставляя себе даже из пищи только то, что не брали купцы.

Над потайным гротом начинался ухоженный парк повелителя этой страны, именуемой Златией. Самого же правителя величали Злат Непервый, чем он очень гордился, а еще больше своим несметным богатством, отобранного с трудом у жадных своих подданных. Над верхним сводом каменной

ниши была кипарисовая аллея с мраморной лестницей, обвитой глицинией. Несколько толстых гибких стеблей лианы свисали с крыши грота к, невидимому сверху, входу в него. На самом краю обрыва, в укромном уголке среди ветвей глицинии любила отдыхать Карделина – единственная дочь повелителя, который, по понятиям Златии, считался самым добродетельным отцом, так как больше всех накопил в тайниках своих богатства. Но девушке было неуютно в угрюмом замке, забитом драгоценностями, рядом с добродетельным отцом. Ее не радовало "блестящее будущее", о котором без конца твердил Злат Непервый. Она убегала от него и гувернанток в свой любимый уголок под глицинией. Садилась, обхватив колени руками, и любовалась морем, слушая его вечную нескончаемую песню. Птицы в листве среди лиловых кистей распевали самозабвенно, в траве копошились жучки, букашки, солидные шмели прилетали за нектаром лиловых цветов. Карделине казалось, что все они очень счастливы, ведь им совсем нет дела до богатств отца и всей Златии! И ей хотелось стать такой же безмятежной, как они. Про себя она называла уголок этот Тин-Тинией. Когда же мысли ее невольно возвращались во дворец, она мрачнела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.